

СВѢТЪ
ПРЪВ
НЪ

НИЛЪ
СОРС
КІЙ.

НИЛО-СОРСКАЯ ОБИТЕЛЬ

деревня Малая Пустынька

Есть по дороге из Кириллова на Белозерск указатель «М. Пустынька», а когда-то на развилке дорог стоял древний восьмиконечный крест, и дорога от него вела паломников в монастырь Нила Сорского. История обители началась в конце XV столетия. Около 1485 года, возвратившись из паломничества на гору Афон, преподобный Нил вместе со своим учеником Иннокентием поселился в лесу на реке Соре, за «пятнадцать поприщ» от Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь был основан первый на Руси скит по примеру скитов святой Афонской горы.

Об основателе первого русского скита известно немного. Краткие «Повести» и «Чудеса» о житии Нила Сорского сообщают, что родился святой в 1433 году в Москве. Происходил преподобный Нил из дьяческого сословия, его брат Андрей Майко (Майков) был дьяком Боярской Думы и исполнял различные дипломатические поручения великих князей Василия II (Темного) и Ивана III. Сам Нил Сорский до пострига тоже, видимо, начинал карьеру дьяка: он был «книгчий судиям». Постриг преподобный Нил принял в Кирилло-Белозерском монастыре, примерно в 1453-1455 годах. После 1475 года он вместе со своим учеником Иннокентием «ушел из монастыря на Афон и в страны Царьграда».

На Афоне старец Нил долго изучал практику «умной» молитвы и скитского жития. Здесь он пришел к убеждению, что скит, как тип монастыря, наиболее удобен для высшего монашеского делания — безмолвия и «умной молитвы». Скитский путь подвижничества святые отцы почитали «золотым», «срединым» между отшельничеством и общежитием. «Средний путь непадетелен есть». Отшельничество требует от подвижника «ангельской крепости» и грозит многими духовными опасностями: «горе единому, аще в леность впадет, во уныние или отчаяние яко не имат воставляющего его в человекех» (Иоанн Лествичник).

Общежитие (киновия) наполнено заботами о монастырском хозяйстве.

Оно объединяет многих под кровом монастыря, поэтому не всегда удобно для безмолвия и созерцания.

Уединение скита в «пустыне», отсутствие большого общего хозяйства позволяет сосредоточиться на «внутреннем делании». Малая соборность скита (первоначально — жизнь двух или трех монахов вместе), возможность получить духовное наставление помогает избежать многих опасных «прелестей» на духовном пути.

Устраивая свой скит, Нил Сорский сохранил все особенности древнего скитского жития. Первой, наиболее зримой особенностью всех скитов является их местоположение. Если киновии, более раскрытые миру по своему характеру, как правило, стоят на открытых возвышенностях с плодородной почвой, в окружении озер и рек, то скиты и лавры, как и келии отшельников, обычно устраивались в «пустыне».

«Пустыню» могли называться горные ущелья, лесные дебри, этим словом обозначались места необитаемые — пустынные, труднодоступные и малопригодные для жизни. Ничто, даже красота видимой природы, не должна была отвлекать подвижника от безмолвия, созерцания, изучения божественных писаний — единственного источника Богопознания.

Образ «пустыни» в Священном Писании имеет преобразовательное значение будущей процветшей земли: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать» (Ис. 35:1-2).

На службе в день памяти преподобного Нила Сорского (7/20 мая) также читается библейское пророчество Исая о пустынной земле. В день Страшного Суда именно в пустыне, говорит пророк, откроется «путь чист, и путь свят наречется», по которому избавленные от вечных мук пойдут в вечную радость (Ис. 35:8-10).

Место «пустынное и жестокое» выбрал для своего поселения Нил Сорский, а его монастырь чаще всего называли Нило-Сорской пустышью.

Придя на Сору, преподобные Нил и Иннокентий поставили кельи в лесу по скитскому обычаю: так, чтобы из окна одной можно было увидеть только другую келью. В кельях жили по одному. Уединение каждого инока в скиту сохранялось неукоснительно, даже в XVII веке лес «на свою потребу» рубить вблизи келий запрещалось.

«Повесть о пришествии преподобного Нила» рассказывает, что Нил ископал колодец и пруд неподалеку от келий, а на реке Соре поставил мельницу «на потребу братии». Келья, колодец с питьевой водой, пруд для поливки огорода — этого, по мысли преподобного, было достаточно иноку скита для строгой нестяжательной жизни.

На некотором расстоянии от келий, (примерно 250 метров) между двумя речками Сорой и Бродью преподобный Нил наносил своими руками гору земли, так как место было болотистое и низкое. Здесь и поставили впоследствии первую скитскую церковь — во имя Сретения Господня.

«Предание» преподобного Нила Сорского рассказывает о многотрудном составлении скита. Приходящим к нему преподобный Нил предлагал изучение «божественных писаний», соблюдение заповедей Божиих и монашеское делание по преданию святых отцов. Он строго предупреждал братию об опасности «самочинства», то есть жизни по своей воле. Самочинников, тех, кто не хотел соблюдать божественные заповеди и святоотеческие предания, он отправлял от скита «бездельными». Нил Сорский говорил, что лучше «отгнать», чем оставить творить свою волю.

Правила скитской жизни, изложенные в «Предании» преподобного Нила направлены на то, чтобы уберечь иноков скита от падений, от влияния «мира», чтобы создать внешние условия, необходимые для внутренней созерцательной жизни.

Выходить из скита без благословения настоятеля и не в «уставленное» время запрещалось. Исхождение из

кельи допускалось по «Уставу скитского жития», который был принят в Нило-Сорском скиту, во вторник, четверг, субботу и воскресенье (то есть в непостные дни). Великим Постом — в субботу и воскресенье. «Пития, елико пианства имут» в Ниловом скиту, как и в монастыре Кирилла Белозерского, не держали «никоторого».

В своем «Предании» Нил Сорский запрещает входить в скит женщинам, принимать отроков, держать скот «женска рода на послужение».

В вопросах собственности преподобный Нил также держался древних скитских уставов. Понятие «мое» в скиту практически отсутствовало. Одной из высших добродетелей скитского инока было полное нестяжание. Келья также не являлась его собственностью. Если монах уходил из скита, то терял все права на нее. Если даже возвращался, то не мог требовать назад ту же келью. Это решалось только по воле настоятеля.

Весь уклад скитской жизни строился так, чтобы инок большую часть времени мог беспрепятственно посвящать «внутреннему деланию». Этому же способствовал и нестяжательный быт монастыря. Заботу о том, чтобы монахи скита не имели «житейских попечений», брал на себя строитель скита — он строил жизнь монастыря.

Строитель один заботился обо всем: следил за исправностью печей в кельях, за ремонтом келий, мостов, скитской мельницы. Кельи стояли практически на болоте, и, хотя их устраивали по скитскому обычаю на высоком подклете и с погребом, они постоянно требовали ремонта из-за сырости. Между кельями и от келий к церкви обязательно прокладывались мостки, которые регулярно чинили. Дороги в близлежащие деревни и в Кириллов монастырь проходили по болотистому лесу, их тоже постоянно чистили от бурелома и мостили мосты на несколько верст.

Практически все необходимое для жизни иноки Нило-Сорского скита, как и монахи палестинских лавр, получали из скитской казны: продукты, утварь, дрова. Общей трапезы в Нило-Сорской пустыни, как и в других скитах, не устраивалось, каждый пек хлеб и питался отдельно. Строитель «кормил» братию, то есть делал общую трапезу, только на престольные и

большие двенадцатые праздники, и в дни именин членов царской семьи.

С 1515 года скит Нила Сорского по ходатайству князя Вассиана Патрикеева стал получать государево жалование (ругу). Царь Иоанн Васильевич Грозный, которому не удалось исполнить свое желание — построить каменный храм в скиту Нила Сорского, увеличил жалование монастырю.

Получив государево жалование, строитель раздавал его братии продуктами («запасом») и деньгами. И с 1515 года и до начала XVIII века (последняя грамота о выдаче руженных денег пожалована в скит царями Петром Алексеевичем и Иваном Алексеевичем в 1683 году) государево жалование было основным средством содержания братии.

Видимо, действительно прокормиться только от трудов рук своих (переписывание и составление книг, иконописание, огородничество) в условиях Русского Севера было гораздо труднее, чем в скитах Египта, Палестины и Афона. Это учитывал Нил Сорский, разрешая своему монастырю принимать милостыню нужную, но не излишнюю.

Вплоть до XIX века Нилова пустынь не имела пахотной земли, скота, скит никогда не владел селами и деревнями. Царское жалование нельзя назвать большим — это минимум, необходимый для пропитания скита. Жил скит очень небогато. Убранство храмов было самое простое: иконы без драгоценных окладов, деревянная и оловянная посуда, железные лампы, простые покровы, бумажные пелены у образов. Ничего лишнего не имели и сами монахи — только несколько икон в кельях, как говорят описи, да деревянную посуду.

В отличие от монахов общежительных монастырей скитские иноки не имели послушаний, то есть не работали на общих монастырских работах. Строили церкви, мостили мосты, мпнили стены в кельях, починяли печи в Нило-Сорском скиту наемные люди, которым платил строитель из скитской казны. Если инок делал для скита какую-нибудь работу — выгребал щепы из постросной кельи, писал книгу в скитскую библиотеку, вел церковную службу как уставщик, то ему за исполненное рукоделье тоже платил строитель скита. Монахи почти никогда не

участвовали ни в каких строительных работах, не работали в поле — устав запрещал им частые выходы из кельи и долгое пребывание вне ее. Такой уклад жизни также отличал скит от кинувии — ничто не должно было нарушать безмолвие и созерцание иноков.

Богослужебный и келейный устав Нило-Сорского монастыря также имел ряд важнейших особенностей, свойственных всем скитам. Согласно «Уставу скитского жития» братия Нилова скита собиралась на службу только два раза в неделю: в «четверток» (четверг) и в «неделю» (воскресенье). Если в другой день случался большой или двенадцатый праздник, то служба на четверг отменялась.

Скитское всеобщее бдение продолжалось всю ночь по обычаю всех скитов и лавр. Накануне всеобщей около шести вечера иноки собирались в храме и цели вечерню, после чего ставилась общая трапеза, если день был непостный. Те, кто хотели воздержаться от пищи (кому было по силам) ради всеобщей, могли отказаться. После трапезы иноки проводили время в беседах духовных или в «пропитании» святых писаний — это было время духовного общения монахов скита. Кому «требовалось вкусити сна», мог немного отдохнуть до «сумрака». В первом или во втором часу ночи начиналось всеобщее бдение.

Скитская служба отличалась от служб общежительных монастырей не только продолжительностью, но и своим составом. Во время скитской всеобщей вычитывалось полнсалтыри, большее число канонов — четыре.

В начале службы, по прочтении первых трех кафизм и канона Богородицы, все садились в молчании и со вниманием слушали «прочитаемое» из святых писаний и житий. Читать писания полагалось не торопясь — «якобы разказуя, не како простою речию», слушающие могли спрашивать пояснения и толкования на непонятные тексты. После чтения начиналась исповедь: брат, стоя перед иконостасом, исповедовал всей братии свои согрешения. Чтение писаний и исповедь продолжались два-три часа. На скитской службе почти все читалось, некоторые песнопения из обычной службы опускались, «чтением и бдением трезвимся», — говорится в правиле скитской службы.

Утренняя заканчивалась в седьмом часу утра, когда «присплет ночь к дневным зорям». После утрени и чтения первого часа все расходились по кельям. Затем вновь собирались на молебен, если он полагался в этот день, после молебна служилась обедня, в конце службы все просили прощения друг у друга и расходились по кельям, пребывая в них «не исходяще... кроме благословенных вин». Келейное правило иноков скита было большим. Но мера для каждого монаха могла устанавливаться отдельно — каждому «противу силы своея», так как «немошным несть Устава».

Повседневное полагалось на день и на ночь отпевать по «полпсалтыря», молитв шестьсот или тысячу, поклонов триста или шестьсот; неграмотные, вместо псалтыри, должны были вычитывать шесть тысяч молитв, и за «полпсалтыря» — три тысячи. Основное внимание всего келейного правила монаха скита сосредотачивалось на «умной молитве», на достижении безмолвия — исихии, когда «не молитвою молится ум», — пишет преподобный Нил в своих «главах», — но превыше молитвы бывает. «Жительство Ниловой пустыни» так рассказывает о келейном пребывании скитских иноков: после захода солнца «седи в келии безмолвствуя и собрав си ум держи молитву имей же с нею и память смертную память суда Божия и воздаяния благим же и злым делом имея во всем себе грешнейша всех и бесов сквернейша и по сех како хоцещи мучен быти». Если придут слезы умиления, то необходимо постараться держать молитву — час, а потом перейти к молитвенному деланию — пению вечерних молитв (повечерицу), после этого вновь держать молитву — уже чистую, без всякого размышления, даже душеполезного, без помысла и мечтания «елика ти сила со всякою бодростию полчаса». От утра до времени трапезы полагалось читать Евангелие, псалтырь, святоотеческие книги, молитвы, после трапезы наступал отдых — «час един», потом занятия рукоделием с внутренней молитвой, чтение, и пелись вечерние молитвы (вечерня).

Само «Жительство Ниловой пустыни», по которому жили монахи Сорского скита, было составлено в соответствии с учением преподобного Нила и святых отцов об «умной молитве».

Скитский Устав обращал особое внимание иноков на то, что без «божественных писаний», без их постоянного изучения невозможен путь к духовному совершенству. Знание грамоты и «божественных писаний» было необходимо скитскому иноку, так как книга подчас заменяла духовника.

Традиция изучения «божественных писаний», положенная в скиту Нилом Сорским, никогда не прерывалась. Небольшой скит, затерянный среди лесов и болот, имел богатую библиотеку. Часто упоминают описи монастырской библиотеки и творения Ефрема Сирина. Этого святого здесь особо чтити.

Один из скитских храмов был освящен во имя преподобного Ефрема. Такое почитание Ефрема Сирина в Ниловой пустыне помогает понять особенности духовного строя этого монастыря: ни о чем так много не писал Ефрем Сирин, как о Страшном Суде и покаянии. Особое почитание Ефрема Сирина в пустыни было связано еще и с тем, что он сравнивался в памяти монахов скита с образом Нила. Просьба Нила Сорского к братии своего скита бросить его тело без всякого погребения или без чести сродни духовному состоянию Ефрема Сирина, выраженному в его завещании. Для сорских монахов их богомудрый старец Нил был таким же учителем смирения и покаяния, как и преподобный Ефрем Сирин для вселенского монашества.

Завещание Нила Сорского так и не было исполнено, его погребли не в «бесчестном месте», а у стены церкви Сретения: описи XVII века называют часовню, поставленную над ракой Нила Сорского, приделом церкви Сретения. В часовне стоял крест с Распятием, рака преподобного Нила была покрыта простым черным покровом, над ракой помещались иконы. В 1656 году вместо часовни, которую перенесли на новое место — к колодцу Нила Сорского, начали строить церковь во имя святого Иоанна Предтечи.

В 1669 году, через 10 лет после освящения церкви, в ней над гробом Нила Сорского была устроена деревянная резная золоченая рака, где по сторонам в четырех кругах вырезали тропарь, кондак, икос преподобному Нилу и летопись, в каком году преставился преподобный. Первая икона с изображением Нила Сорского появи-

лась в монастыре в 1686 году при строителе Дионисии Москвитине. Незадолго до написания иконы, в 1682 году при том же строителе, был составлен канон преподобному Нилу Сорскому. Создание храма и раки над гробом преподобного, почти одновременное появление иконы и канона — все это подтверждает состоявшуюся канонизацию преподобного Нила Сорского и позволяет ее датировать 60-80 годами XVII века. Нилов скит был известен и почитаем на Руси в XVI-XVII веках. Среди жертвователей скита — русские князья и бояре, патриархи, цари. Простые богомольцы оставляли деньги в кружке у раки преподобного Нила.

Немного известно об иноках Нило-Сорской пустыни. Обычно их жило в скиту 6-12 человек. По именам — прозваниям монахов можно представить, откуда они пришли в Нилов скит, чем занимались, особенности их жизни. В скиту спасались старцы: Ферапонт Верижник, Корнилий Затворников и Пустынников, Герасим Скудной или Гупой, писатель многих книг, Пимен и Варлаам иконники. В XVII веке в скиту жили монахи родом из Нижнего Новгорода, Муром, Москвы, Холмогор, Киева, Поморья, Вологды, Устюжны, приходили из Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Корнильево-Комельского монастырей, с Соловков. Нилов скит имел, видимо, тесные связи с Соловецким монастырем. Через Нилову пустынь и Кириллов монастырь обычно пролегал путь паломников, шедших на Соловки. Старцы Соловецкого монастыря нередко жертвовали в скит книги, богослужебную утварь.

Два с половиной столетия (XVI — первая половина XVIII века) Нило-Сорская пустынь прожила по уставу скитского жития. Но в середине XVIII века жизнь в скиту постепенно замирает, что в немалой степени было связано с общей государственной политикой по отношению к монастырям. Секуляризационная реформа 1764 года прямо скита не коснулась, так как земли и крестьян он не имел. Но «государево жалованье» поступать перестало, Кирилло-Белозерский монастырь, разоренный реформой, уже не мог помогать своему приписному скиту (с 1641 по 1777 год Нило-Сорский скит был приписан к Кириллову монастырю). В

XVIII веке изменилось само отношение к скитам, в том числе и к Нило-Сорской пустыни. Они становятся, как правило, местом ссылки, куда на исправление посылают монахов за «неблагочинное и нетрезвенное поведение». В 1798-1805 годах монашескую жизнь в Нило-Сорском скиту пытался восстановить игумен Кирило-Новоезерского монастыря Феофан, но безуспешно — скит находился за 70 верст от Новоезерского монастыря.

В 30 годах XIX века начинается новая история Нило-Сорской пустыни, но уже как общежительного монастыря.

«Богодарованным жребием» стала Нило-Сорская пустынь для иеромонаха Никона (в миру Николай Прихудаев), который пришел сюда в 1837 году из Троицкого Кривоезерского монастыря (Костромская епархия). Будучи еще монахом Троицкого монастыря, он стремился найти обитель уединенную и пустынную. Три раза иеромонах Никон писал записки с названием трех пустыней и клал их за икону Божией Матери «Иерусалимская». Жребий трижды указал ему на Нило-Сорскую пустынь.

Плачевным оказалось состояние Ниловой обители, когда ее увидел Никон: ветхие деревянные постройки на болоте. Братья были восемь человек, сосланных сюда из других монастырей за «нетрезвенную» жизнь. Но необыкновенную духовную радость испытал иеромонах Никон при знакомстве с пустыней преподобного Нила.

За четыре года строительской деятельности иеромонаха Никона Нилов скит изменился неузнаваемо. Прежде всего, в монастыре был введен общежительный устав: общая молитва, богослужение каждый день, общая трапеза, строгое послушание. Видимо, в той трудной ситуации это оказалось единственным средством для восстановления и стен и нравственности монастыря. Иеромонах Никон имел большие духовные дарования — дар прозорливости, духовного рассуждения и утешения. Это привлекало к нему людей. Чинная служба скита, тоже привлекала богомольцев даже из отдаленных мест. На богатые пожертвования иеромонах Никон начал отстраивать монастырь заново — теперь уже по плану общежительного монастыря. В форме правильного прямоугольника

возвели каменные стены, внутри стен, а не за монастырской оградой, как было раньше, устроили монашеские кельи, общую трапезу, кухню. Приступили к строительству каменного собора. Для этого срыли, а местами разровняли холм, насыпанный преподобным Нилом, древние церкви Сретения и Иоанна Предтечи разобрали. Но в самом начале строительных работ — в 1841 году случилось непредвиденное: иеромонах Никон оказался под следствием, а строительство было приостановлено. Некий иеромонах Израиль, который приехал в 1840 году в Нило-Сорскую пустынь из Петербурга и сумел за год стать близким и доверенным человеком иеромонаха Никона, написал на него донос в Новгородскую духовную консисторию. Он обвинял иеромонаха Никона в растратах монастырских денег, а самое главное — в неблагоговейном отношении к святыне и укрывательстве святых мощей. В доносе говорилось, что во время разборки церкви Иоанна Предтечи иеромонах Никон, ночью, тайно раскопал святые мощи преподобного Нила Сорского и спрятал их в своей келье. Следственная комиссия пыталась обстоятельно изучить «дело о мощах». Обвинения в адрес иеромонаха Никона не подтвердились. И все же его перевели в Иверский Валдайский монастырь, запретив ему на год ношение монашеской одежды и священнослужение. Таковую епитимью иеромонах Никон получил, по словам консистории, за «безрассудную ревность» и «безотчетную привычку во всем находить святыню».

В братстве Иверского монастыря иеромонах Никон пробыл около десяти лет, скорбя о разлуке с Нило-Сорской пустыней. По ходатайству фрейлины Т. Б. Потемкиной его перевели в братство пустыни под бдительный надзор настоятеля.

Вернувшись в пустынь, иеромонах Никон устроил неподалеку от самого монастыря (двести метров на юго-запад) скит, где можно было жить в уединении и безмолвии. Келию свою он поставил около колодца, ископанного преподобным Нилом Сорским, здесь же был пруд преподобного, и когда-то стояла его келья. В новый скит перенесли церковь Иоанна Предтечи, сложенную из остатков древних храмов Сретения и Иоанна Предтечи. Ново-

построенную церковь и скит освятили 15 ноября 1852 года, а 16 ноября иеромонах Никон был облечен в схиму и наречен по своему желанию Нилом — в честь преподобного. Здесь, на месте поселения преподобного Нила, он и остался жить. Незадолго до пострига в схиму, 8 ноября 1850 года, иеромонах Никон отправил на Афон написанную им икону Иерусалимской Божией Матери. Эта икона до сих пор находится в Покровском храме Пантелеймонова монастыря на Афоне, над святыми вратами; во время молебнов ее торжественно опускают к молящимся. После отправки иконы, как пишет сам иеросхимонах Нил, сбилось его главное желание: по указу Синода, в декабре 1850 года Нило-Сорская пустынь была восстановлена как самостоятельный общежительный монастырь.

За вторую треть века сложился совершенно новый архитектурный облик Нило-Сорского монастыря. В 1854 году достроили каменный собор, начатый в 1841-м. Строительные работы, несмотря на недостаточное количество средств, велись медленно и трудно. В 1852 году они были приостановлены из-за трещин в двух передних столбах. Своды почти уже отстроенного собора рухнули как раз над ракой преподобного Нила, их пришлось переделывать заново. Собор состоял из двух церквей: теплой — во имя Сретения Господня с приделом святителя Николая Чудотворца и холодной — во имя Тихвинской иконы Божией Матери с южным приделом преподобного Нила Сорского и северным — апостолов Петра и Павла. Отныне изменилось и посвящение Нило-Сорского монастыря — он стал называться Тихвинским. С западной стороны к Тихвинскому собору примыкала колокольня и ризница. В 1863-1866 годах на средства иеросхимонаха Никона и добровольные пожертвования над Святыми вратами монастыря построили каменную церковь Покрова Божией Матери.

По разному можно относиться к перестройкам и изменениям в Нило-Сорской пустыни XIX века. Несомненно, что се строителями двигало стремление к благолепию, так свойственное этому столетию, и, конечно, любовь к преподобному Нилу, желание прославить угодника Божия, «велико-подвиги» которого «преобразовали дикость пустыни в духовно-та-

иственный рай». В слове на освящение Тихвинского собора, произнесенном 27 сентября 1857 года, иеросхимонах Нил с радостью и гордостью говорил, что храм сей построен «не богатством царей, но горстью неимущих в дебрях, почти непроходимых». По многим богомольцам, приходившим в пустынь, посреди сияющего благолепия не доставало былого смиренного облика обителя, ее древних храмов, рукотворного холма преподобного Нила.

Несмотря на все изменения монастырского устава, которые произошли в XIX веке, Нило-Сорская пустынь сохранила свои древние традиции пустынножительства. В Иоано-Предтеченском скиту, основанном иеросхимонахом Нилом при монастыре, в уединении и безмолвии жили схимники пустыни. Всенощные в скиту продолжались до 12 часов по уставу афонских монастырей. Вход в скит женщинам строго воспрещался.

В 1860 году в 50 метрах к югу от Предтеченского скита иеросхимонах Нил устроил еще более уединенный Успенский скит. На поляне, окруженной со всех сторон стеной глухого леса, стояла небольшая деревянная церковь Успения Божией матери с приделом Всех святых, монашеская келия и две часовни — Гроб Господень и Гефсимания. Здесь пропели последние 10 лет жизни иеросхимонаха Нила. Успенский скит он любил необыкновенно за его особую природную тишину и покой. Здесь, у алтаря Успенской церкви, он и был погребен 23 июля 1870 года.

Как вспоминали многие иноки Нило-Сорской пустыни, иеросхимонах Нил оказывал большое влияние на исправление жизни братии монастыря и пользовался уважением всех.

Многие известные подвижники Нило-Сорского монастыря начинали свою монастырскую жизнь под духовным руководством иеросхимонаха Нила. Среди них иеросхимонах Иоанн (в миру Иоанн Судьбицкий). Он пришел в Нило-Сорский монастырь в 1849 году в возрасте 19 лет. Вскоре в братство монастыря поступили три его родных брата: Глеб (в монашестве схимигумен Нил), Моисей (иеродиакон Макарий) и Петр — вместе со своим отцом Никитой (в монашестве Николай). Эта большая крестьянская семья

пришла в монастырь, когда он только начал восстанавливаться после долгого запустения.

Будучи послушником, Иоанн Судьбицкий часто ходил за сбором пожертвований на строившиеся храмы пустыни. Его редкая приветливость и доброта привлекали людей, послушнику Иоанну всегда охотно подавали. Для него же частое общение с миром было тяжело и полно всяких испытаний. В 1865 году Иоанна постригли в монашество с именем Иосиф. С благословения настоятеля он поселился в Иоанно-Предтеченском скиту, где и прожил 20 лет совершенно одиноким и даже без обычного келейника. Через четыре года после пострига монах Иосиф был посвящен в иеромонаха, а еще через три он стал духовником всей пустыни, приняв схиму с именем Иоанн. В Предтеченском скиту иеросхимонах Иоанн насадил сад и огород, липовую рощу, возобновил вместе с монахом Илией старый пруд, ископанный, по преданию, самим преподобным Нилом Сорским. А от скита до монастыря иеросхимонах Иоанн посадил по обеим сторонам дороги березы. Эти деревья шумят до сих пор и образуют собой единственную улицу местечка Пустынь.

Последние годы жизни подвижника прошли в Успенском скиту. Подобно своему наставнику иеросхимонаху Нилу, он прожил в скитах Нило-Сорской пустыни более 20 лет. Большим желанием иеросхимонаха Иоанна было дожить до дня прославления преподобного Серафима Саровского, к которому он имел особенную любовь и веру. 19 июля 1903 года он отслужил в келии молебен только что прославленному преподобному Серафиму и представился в ночь с 19 на 20 июля.

Замечательна и личность последнего настоятеля Нило-Сорской пустыни — архимандрита Илариона. В миру настоятель Иларион звался Иван Павлович Козлов, в Нило-Сорский монастырь пришел как богомolecь 17 ноября 1884 года. В 1891 году его определили послушником, а через три года он принял постриг. В 1904 году иеромонах Иларион за «одобрительное поведение» был назначен настоятелем пустыни. В 1906 году настоятель Иларион получил сан игумена, а впоследствии он, единственный из настоятелей Нило-Сорской пустыни, стал

архимандритом. По воспоминаниям людей, знавших архимандрита Илариона, он с трудом читал и писал, перед службой выучивал Евангелие наизусть, чтобы правильно прочитать его на службе, но обладал редким даром духовного рассуждения.

В XX веке Нило-Сорская пустынь разделила общую судьбу многих русских монастырей. Округлым спокойным почерком архимандрита Илариона подписаны последние документы Нило-Сорского монастыря. В августе 1924 года президиум Череповецкого губисполкома принял постановление о расторжении договора с Нило-Сорской общиной. В это время были закрыты все Белозерские монастыри из-за «публичного чествования» в них «бывшего патриарха» Тихона. Вскоре в Нило-Сорской пустыни была размещена колония Кирилловского уездного исправительного дома. Уже 1 февраля 1926 года на заседании Президиума Вогнемского исполкома его председатель поставил вопрос о похищении церковных ценностей со стороны свободолыщенных. Буквально сбывались пророческие слова преподобного Нила Сорского, запрещавшие ставить каменные храмы и собирать сокровища в его пустыни: «Проведет бо преподобный, что будет от воров грабление» — сказано в «Чуде о явлении преподобного Нила Сорского во сне царю Иоанну Васильевичу».

До 1930 года в монастыре размещалась колония. В ведение Главнауки «как исторический памятник» был оставлен Иоанно-Предтеченский скит со всем имуществом. С 1 октября 1927 года Череповецкий окружной музей сдал скит в арендное пользование без права богослужения монахам. Этот договор действовал до 1 октября 1930 года. После закрытия монастыря архимандрит Иларион скитался по деревням, осенью 1937 года он пошел умирать в свое родное Есипово, где попросил похоронить его тайно на картофельном поле, что и было исполнено. Устное завещание последнего настоятеля — похоронить безвестно и без всякой чести — сродни завещанию основателя Нило-Сорского монастыря.

В 30-х годах XX века история Нилова монастыря словно замкнулась. Последние монахи доживали свой век на месте поселения преподобного Нила, рядом с его колодцем и прудом,

возделывая огород там же, где когда-то трудился сам преподобный, добывая дневное пропитание «от труда рук своих». В 1937 году оба скита Нило-Сорской пустыни (Предтеченский и Успенский) были сняты с учета Главнауки. Тогда же разобрали на хозяйственные нужды Успенский скит, а Предтеченский сгорел 9 мая 1946 года. В самом Нило-Сорском монастыре с 1930 года размещался дом инвалидов при сельском совете, с 1961 года здесь находится психоневрологический диспансер.

В конце XV века, создавая свой скит, преподобный Нил Сорский сумел воплотить в его устройении лучшие традиции скитничества и пустынножительства Египта, Палестины, Афона: нестяжательность, умное молитвенное делание, изучение Священного Писания, служение ближним духовным советом и назиданием, странноприимство.

Нарушение заветов преподобного Нила сразу явственно сказывалось на внутренней жизни скита и становилось назидательным уроком. Лучшие же

традиции Нило-Сорского скита непрерывно изучались русским иночеством. Большое количество списков «Предания» Нила Сорского и других его сочинений находятся в библиотеках русских монастырей.

В настоящее время интерес к исторической судьбе, устройству и традициям скита не иссякает. История Нило-Сорской пустыни еще ждет своего продолжения.

Сохранились монастырские постройки: перестроенный под столовую и жилые помещения Тихвинский со-

По мнению местных краеведов именно в этом месте возле маленького прудика стоял скит прп. Нила Сорского

бор, надвратная Покровская церковь, игуменский корпус, келейные корпуса, встроены в стены монастыря. Мощи преподобного Нила Сорского до сих пор пребывают под спудом близ алтаря Тихвинского собора, с южной его стороны.

* * *

Мы посетили Малую Пустыньку летом 1999 года. Настроение от увиденного было грустным. В самом монастыре располагалась психбольница. Чтобы переселить ее, наверное, требуется немалая сумма. Но дело не столько в деньгах. В поселении, которое окружало ее и, очевидно, жило за счет этого объекта отечественного здравоохранения, царил запустение. Казалось, что улицы этой Пустыньки не подметались и не убирались со дня её основания. Было такое впечатление, что жители этих домов навсегда покинули свои жилища вместе с душой преподобного. Только возле «сумасшедшего дома» царил некоторое оживление, вызванное приездом редких здесь гостей. Нам не удалось сделать ни одного снимка в самом монастыре — слишком убогую и нерадостную картину представляют нынче сохранившиеся строения.

Мы пошли за село по болотистой почве и на самом краю леса увидели

едва сохранившиеся остатки фундамента. Именно здесь, по мнению историков, и было одно из строений того старинного скита, где некогда поселился Нил Сорский. Вокруг, в лесу, на расстоянии голоса стояли нехитрые сооружения монахов. Ничего напоминающее бывшее духовное величие этих мест нам обнаружить не удалось.

Собирая информацию для этой книги, нам пришлось повидать очень много восстанавливающихся обителей. Буквально по всей стране идет возрождение православных святынь. Вот уже несколько лет во многих изданиях и справочниках печатается, что Нило-Сорская пустынь также обретает новую жизнь. Но у нас частенько телегу запрягают впереди лошади.

Инициативной группой «Истоки», которая активнейшим образом участвовала в работах на острове Патриарха Никона, было принято решение о восстановлении скита преподобного Нила Сорского. Хочется верить, что вместе с ними заглянут в эту глушь и представители администрации, и священнослужители. Слишком велик вклад этого святого в историю духовного становления нашего Отечества, чтобы не доходили сюда руки и средства.

Я пишу эти строки не в укор кому-то. Написать-то несложно. А вот как вернуть это все на круги своя? Слиш-

ком велик разгром, устроенный безбожным правительством в XX веке нашим святыням, чтобы вот так, в короткие сроки, все восстановить и очистить. Нужны не только деньги. Должна очнуться душа человеческая для подвигов, для бескорыстной работы. Не одно святое место занято у нас неподобающими ему учреждениями. Символичны строки статьи «Неприкаянная святыня» Галины Ивановой, написанные о другом монастыре: «В сорока верстах от Белозерска есть неглубокое, но притягательное своей красотой озеро Новое. Посреди него на маленьком острове стоит бывший Кирилло-Новоезерский монастырь. До него от берега можно добраться либо на лодке, либо по деревянным мосткам на вбитых в дно озера сваях. Летом залобуешься открывающимся видом: в темной воде сплывают красноперые окуни, тут и там зеленые острова. Издалека почти незаметны разрушения, причиненные строениям монастыря в нынешнем столетии. Но нет смысла стучаться в его двери — за ними сегодня... тюрьма».

Тюрьмы, больницы, клубы находятся еще во многих строениях старинных обителей. И пройдет не один год, прежде чем они снова обретут свой старый статус — спасение каждого из нас и всего земного мира в целом. (Редактор — А. Ф.).